

Противоречивые и непоследовательные меры, предпринимаемые для перестройки управления, дезориентируют директоров предприятий. Главная проблема советской экономики — проблема дефицита ресурсов, порождаемого расточительностью системы, — остается неразрешенной. Социальные программы Горбачева (повышение зарплаты некоторым категориям трудящихся, увеличение срока послеродового отпуска для женщин и т. п.), безусловно, необходимы, но на первых порах они лишь обострят дефицит ресурсов.

В подобных условиях нет оснований надеяться на длительный экономический подъем. Неэффективность принятых мер должна выявиться весьма быстро, и это несомненно будет использоваться консерваторами как повод для контрнаступления. Таким образом, реформизм оказывается в цейтноте. Единственным выходом остается радикализация „политики перестройки“, но именно здесь особенно сказывается отсутствие радикального мышления, нового общественного проекта.

Цейтнот реформизма и отсутствие оформленной левой альтернативы у многих вызывают пессимизм. Разумеется, возврат к брежневизму невозможен. Старая политика исчерпала себя. Психологическое равновесие 70-х годов нарушено. Компромисс между всеми фракциями верхов сменился противоборством, развивающимся по своей логике. В стране просто нет ресурсов для возврата к брежневской модели. Таким образом, реальный выбор, стоящий перед нами, не между брежневизмом и горбачевщиной, патриархальным консерватизмом и умеренной реформой, а между тоталитарной реакцией и вынужденной радикализацией „перестройки“. Понимание того, что возврат к консерватизму уже невозможен без широких репрессий, толкает влево значительную часть либеральных верхов и средние слои. Таким образом, объективно почва для левой альтернативы в стране существует.

Для паники также нет оснований, как и для эйфории. В подобных условиях людям, искренне стремящимся к демократическому и социалистическому обновлению, не остается ничего другого, кроме как следовать лозунгу парижских коммунаров, который постоянно цитировал Антонио Грамши: Пессимизм разума, оптимизм воли.

Зденек Млинарж

ГОРБАЧЕВ В ОБЪЯТИЯХ БРЕЖНЕВА

Почти во всех сообщениях западных корреспондентов из Праги во время визита Горбачева отмечалось, что Горбачев и Гусак не обнимались и не лобызались. Но это не соответствовало действительности. Я собственными глазами видел на экране телевизора, что этот ритуал был соблюден, как обычно. Возможно, однако, что присутствовавшие при встрече журналисты этого не видели, поскольку обнимавшиеся и целовавшиеся лидеры были заслонены телами охранников, которых на этот раз было больше чем обычно.

Точно так же все сказанное в Праге затемнило и тот факт, что во время визита в Чехословакию Горбачев был более чем когда-либо обременен брежневским наследием. Не только Гусак, но и мертвый Брежнев душили его в крепких объятиях все эти три дня.

И все же Горбачев играет исключительно положительную и исторически важную роль. Поддержка его политики должна быть задачей номер один для всех заинтересованных в положительном развитии не только Советского Союза, но и всего современного мира. Я безоговорочно поддерживаю горбачевскую линию с самого начала и до сих пор. Именно поэтому я не могу и не намерен молчать, а указываю на рамки, ограничивающие его политику, что особенно наглядно проявилось во время его визита в Прагу.

Все за реформы

Во время пребывания Горбачева в Праге было официально провозглашено то, о чем говорилось и до его приезда: руководство КПЧ не только единогласно выступило в поддержку реформистской политики КПСС, но определило политику КПЧ как политику реформ. Можно, конечно, сомневаться в искренности людей, которые на протяжении двадцати лет подавляют любые попытки реформистского толка, но в данный момент это не имеет значения. Главное, что после двадцатилетнего перерыва идея необходимости перемен снова стала официально признанной, составной частью политической линии. Каковы будут перемены, в каком темпе, в какой очередности и в каком контексте они будут проводиться, пока не ясно — это будет обсуждаться, и сторонникам реформ предстоит острые столкновения с их противниками. В Чехословакии проблема усложняется еще и тем, что у нас на протяжении долгих лет сторонники реформ подвергались куда более жестоким преследованиям, чем в соседних странах. Этот конфликт должно будет решить новое поколение, а не реформаторы 60-х годов, и действовать это новое поколение будет в совершенно иной ситуации.

Нынешнее положение далеко не идеально, но оно существенно отличается от ситуации 1984 г. и даже от положения в Чехословакии лишь несколько месяцев назад, поскольку потерпели поражение указывавшие на политику реформ грозившим перстом и предупреждавшие о возможности „контрреволюции“.

Разумеется, ситуация в Чехословакии все еще отличается от происходящего в СССР. Там открыто говорят, что политика реформ наталкивается на сопротивление и что необходимо бороться с противниками такой политики; в Праге же все выступают единодушно, и потому позиция чехословацкого руководства не убеждает. В СССР исходным пунктом реформ был и продолжает оставаться критический анализ брежневской эры; в Чехословакии же все происходит так, будто после 1969 г. в стране не произошло ничего заслуживающего принципиальной критики. В Советском Союзе новую политику проводит новое руководство партии и государства; в Чехословакии никаких перемен в верхах с 1970 г. не произошло, и новую политику в

настоящее время проводят те же лица, которые до сих пор энергично действовали в противоположном направлении.

Это абсурдное положение — сегодняшние реалии Чехословакии, и они непременно окажутся в противоречии с новой официальной линией КПЧ, объявившей своим образцом советские реформы. Все остальное — вопрос времени. Еще нельзя сказать, сколько месяцев пройдет пока в КПЧ возникнет ситуация, подобная создавшейся в КПСС в 1985 г. Но это неизбежно произойдет — вплоть до персональных перемен (если, конечно, в Советском Союзе будет продолжаться и развиваться политика реформ).

Гусак, Бияк и многие другие чехословацкие руководители, безусловно, олицетворяют прошлое, а не настоящее. Это персонажи из другой пьесы. Но сейчас, после того, как они сами присоединились к новой советской политике, они вынуждены будут сыграть еще один маленький водевиль, после которого только и начнется главное представление.

Почему так осторожно?

Создается впечатление, что советское руководство избрало по отношению к Чехословакии, а возможно, и по отношению к другим восточноевропейским государствам, позицию, которая для него наименее рискована. Она как бы копирует советскую политику до 1985 г.: выжидать, когда старых руководителей сметут с политической сцены законы биологии. Непосредственный нажим для кадровых перемен советская сторона оказывает лишь в особых случаях — как в Афганистане и во Вьетнаме.

Вероятно, такая позиция обусловлена опасениями советского руководства, по крайней мере, его большинства, относительно возможной дестабилизации советского блока. Так называемые события в Польше и Венгрии в 1956 г. и в Чехословакии в 1968 г. все еще пугают его и не без оснований.

Из-за сопротивления новой политике Горбачева в СССР она в последнее время стала одновременно и более радикальной, и более осторожной.

Во внешней политике его чрезвычайно смелая, но чреватая

огромным риском инициатива, цель которой не больше, не меньше, как изменить „правила игры” в современном мире с тем, чтобы ликвидировать бремя гонки вооружений, сохранив при этом великодержавную позицию СССР, пока что не увенчалась успехом. Без сотрудничества с западными государствами Горбачев этой цели добиться не может, а правительства западных государств относятся к его инициативе весьма сдержанно. Это продемонстрировал, в частности, визит Маргарет Тэтчер в Москву накануне поездки Горбачева в Чехословакию. Не удалось достигнуть существенных перемен и в отношениях СССР с Китаем. Внутриполитическое развитие Китая так же не радует тех в Советском Союзе, кто рассчитывает на политические реформы и демократизацию. Обстоятельства, таким образом, призывают к осторожности.

В этих условиях обострить конфликты в Восточной Европе, где в Польше существует взрывоопасная обстановка, а антиреформистская Румыния пользуется своеобразной автономией, значило бы укреплять союз противников реформ и тем самым поставить под угрозу судьбу этих реформ.

Парадоксально, что руководство КПЧ, зависевшее от милости Москвы на протяжении многих лет, вдруг почувствовало, что и оно много значит для Москвы. Поддержка Праги важна в данный момент для Горбачева главным образом потому, что она создает брешь в рядах потенциальных противников новой советской политики.

Горбачев задыхается в тесном объятии Брежнева и ничего не может с этим поделать — получение наследства чревато определенными неприятностями.

Призрак в подвалах

Призрак „пражской весны”, задушенной советскими танками и гусаковским руководством, до сих пор бродит по подвалам пражского и московского Кремля. На этом еще совсем недавно спекулировал Васил Биляк — он требовал от Москвы безоговорочной поддержки его политики, утверждая, что призрак „пражской весны” до сих пор представляет наибольшую

опасность. Сейчас эти аргументы Биляка уже не действуют.

Горбачев и нынешнее советское руководство не являются соучастниками преступления. Они не несут ответственности за оккупацию Чехословакии в 1968 г. Чехословакия была оккупирована 20 лет назад, и сейчас это уже история. Это дает возможность обращаться и с этим брежневским наследием как с историей. Уже можно приступить к объективному историческому анализу „пражской весны”, уже можно давать ей и ее участникам оценку, свободную от идеологическо-политических эмоций. Уже можно разрешить исследование идей и концепций „пражской весны”, поскольку они, безусловно, являются попыткой реформы системы советского типа; уже можно сказать, что было верным, а что ошибочным.

С политической точки зрения это не только возможно, но и принципиально соответствует нынешней советской политике, подходу нынешнего советского руководства к своей собственной истории. Это вовсе не означает, что выход Чехословакии из тупика может обеспечить группа реформаторов 1968 г. Большая их часть уже достигла пенсионного возраста, некоторых уже нет в живых, часть отказалась от такого рода карьеры. Через 20 лет уже нельзя вернуться к тому, что существует только в памяти общества, но не в реальной жизни. В то же время Чехословакия не может встать на путь нынешней советской политики до тех пор, пока призрак „пражской весны” остается в подвале.

Во время пребывания в Праге Горбачев вел себя так, чтобы не исключить такого исхода в будущем. Ни в одном из своих официальных выступлений он не упомянул о 1968 г., и чехословацкая сторона в его присутствии об этом годе не произнесла ни слова. Призрак, правда, по-прежнему остается в подвале, но будущее его не было заблокировано.

Нам, разумеется, не известно, что и как было сказано за закрытыми дверями на встрече Горбачева с чехословацким руководством. Трудно, однако, предположить, что между ними не было никаких разногласий, и не только по поводу 1968 г. Более вероятно, что за этими закрытыми дверями Горбачев договорился о том, чтобы будущее развитие Чехословакии не противоречило его политике.

Ошибки Горбачева

Судя по тому, что Горбачев говорил и делал в Чехословакии, и учитывая сложные, противоречивые и деликатные условия его визита, можно не сомневаться, что некоторые вопросы обсуждались и в Москве за закрытыми дверями. Об этом свидетельствует выступление Горбачева в Праге: оно было менее личностным по сравнению с его другими выступлениями и содержало набор заранее заготовленных и одобренных формулировок, что часто сказывалось на стиле и живости текста. Это выступление напоминало скорее горбачевские доклады прошлого года, а не его январский доклад.

В пражском выступлении не было анализа причин застоя, который, согласно Горбачеву, вызван тем, что до сих пор представления о социализме основываются на теориях 30-х и 40-х годов, т. е. сталинских времен. Не подчеркивал он и тот факт, что без демократизации невозможно добиться осуществления экономических задач. Причины этого, как я уже говорил, понятны. Но в двух случаях Горбачев сделал заявления, которые нельзя не критиковать и которые, по моему мнению, были ошибочными с точки зрения его политики. Так, во время случайного разговора со студентами на одной из пражских улиц Горбачев сказал, что, когда он был в Праге в 1969 г., он увидел, насколько сложным было положение в Чехословакии. „В Чехословакии, — сказал Горбачев, — было 17 молодежных организаций, короче, — хаос, такой же хаос, как в головах молодых людей”.

Это заявление сделал политик, который всего три месяца назад заявил, что демократия нужна Советскому Союзу как воздух. Я не думаю, что высказывание Горбачева укрепит доверие к его искренности — и не только со стороны чехословацкой молодежи.

Горбачев планирует к 2000 г. превратить Советский Союз в современное государство с техникой на самом высоком уровне. В таком государстве у сотен тысяч молодых людей дома должны стоять компьютеры, посредством которых они смогут обмениваться любой информацией и на которых они смогут печатать любые материалы. Разве такая перемена будет

не более существенной, чем наличие 17 молодежных организаций? Разве в результате этого в сознании молодых людей не возникнет „хаос”? А что будет, если в стремлении защитить молодежь от такого „хаоса” кто-нибудь пошлет танки против „политики перестройки”?

Более существенной, однако, является другая ошибка, которую Горбачев допустил в Чехословакии несколько раз. В своих выступлениях он призывал слушателей гордиться успехами КПЧ, достигнутыми после 1969 г. Он говорил им, что Чехословакия относится к самым развитым государствам и что уровень жизни в ЧССР очень высок.

Горбачев, однако, мерит чехословацкую действительность на советский аршин. Уровень жизни в ЧССР, действительно, выше, чем в СССР. На советского туриста Чехословакия производит впечатление высокоразвитого государства. Действительность же совершенно иная. Рост чехословацкой экономики после 1969 г. происходил под действием экстенсивных, а не интенсивных факторов, со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями. Чехословацкий технический парк устарел, уровень жизни остается неизменным. А ведь если бы Чехословакия могла идти по собственному пути к социализму (как после прихода коммунистов к власти в 1948 г., так и после реформ 1968 г.), то сейчас экономику Чехословакии можно было бы сравнивать, скажем, с экономикой скандинавских государств, а не с советской. В Чехословакии это знают, и никто не убедит народ этой страны в обратном.

В Чехословакии создалось впечатление, что некоторые явления, которые Горбачев критикует в СССР, за границей он как бы не замечает или старается не замечать. Характерные черты брежневской эры — коррупцию, застой, фальсификацию действительности, нравственное разложение — он как бы не видит, а людям, страдающим от этих явлений и связывающим с Горбачевым надежды на их устранение, он заявляет: посмотрите на успехи вашей партии и вашего правительства.

Политику, которая проводилась в Чехословакии после 1969 г., народ страны не выбрал добровольно. Она была навязана ему брежневским руководством КПСС. Отрицательные черты брежневской эры, которые Горбачев остро критикует

в СССР, были привнесены в Чехословакию и в значительной части привнесены силой. Хотя Горбачев лично не несет за это ответственность, обязанность, от которой он не может уклониться, — активное способствование преодолению перечисленных недостатков, реализации погранных принципов суверенитета и уважения специфических условий Чехословакии. Когда и как он сможет это сделать, Горбачев, принявший наследство Брежнева, должен решить сам, и никто ему в этом не указ. Но если он хочет избежать серьезных политических ошибок, он не должен делать вид, что все в полном порядке и что происшедшее после 1969 г. заслуживает одобрения.

После 1969 г. в Чехословакии преследовалось все то, за что сейчас ратует сам Горбачев: творческое и критическое мышление, индивидуальная активность без директив сверху, культурное и научное творчество, честность, искренность, приверженность своим убеждениям. Если бы Горбачев пытался настаивать на необходимости демократизации и реформ в Чехословакии в 1970 г., его исключили бы из КПЧ, и ему пришлось бы работать истопником или чернорабочим, несмотря на его коммунистические убеждения и высшее образование. Это не преувеличение. Такова судьба десятков тысяч чехов и словаков.

В СССР при Горбачеве стали издавать прежде запрещенные книги; авторов многих из них уже нет в живых. В Чехословакии же до сих пор не печатаются работы сотен авторов только потому, что они не отказались от своего убеждения о необходимости реформы системы советского типа, о необходимости демократизации, без которой под угрозой не только социализм, но и техническое развитие страны.

Весьма возможно, что, по политическим соображениям, Горбачев предпочитает молчать об этом. Такую позицию в состоянии понять и жертвы политики, проводившейся в Чехословакии после 1969 г. Но призывать к восхвалению этой политики, благословлять ее — значит оказывать поддержку многолетней лжи, а это политическая ошибка, кто бы и по каким бы мотивам ее ни делал.

Людмила Алексеева

О ПОЛИТИЧЕСКИХ АМНИСТИЯХ В СССР

К моменту прихода к власти М. С. Горбачева, т. е. к началу 1985 г., открытые проявления инакомыслия были подавлены почти полностью, ушло под поверхность национальное недовольство и религиозная активность. Гражданские выступления тоже почти прекратились. Открыто действовала лишь крошечная группа „За доверие между Востоком и Западом” и продолжали борьбу за выезд из СССР наиболее отчаянные отказники-евреи. Из богатой прежде самиздатской периодики сохранились лишь „Бюллетень Совета родственников узников Евангельских христиан-баптистов” и религиозно-назидательный журнал „Вестник истины”, издания литовских католиков „Хроника Литовской католической церкви” и литовского национального движения журнал „Аушра”.

Это затишье было обеспечено резким усилением преследований всех видов инакомыслия с конца 1979 года. За 5 лет были арестованы почти все активные инакомыслящие и многие сочувствовавшие им. Режим в местах заключения ужесточился до крайности. На политзаключенных обрушивались за малейшую провинность и по сфабрикованным поводам помещения в карцер, запреты на свидания с родными и даже на переписку с ними, наконец, — жестокие избиения. Резко увеличилась смертность среди политзаключенных. С 1983 г. в пермском лагере № 36, где находились всего 60 человек, умерли десятеро. С 1980 г. по 1986 г. погибли 34 политзэка, 22 из них за последние три (1984-1986) года. Оставшимся в живых грозило вне зависимости от приговора бессрочное заключение. В 1983 г., во время